

Михаил Москалев

КОНЕЦ АЛКОГОЛЕЙ

Маленькая рюмочная, расположенная за зданием бывшей котельной на территории бывшего же хлебозавода на Дмитровской, середина недели. До уикенда еще два дня, но в заведении полно народа. Столики, барная стойка, подоконники уставлены кружками с пивом и коктейлями, единственный туалет, не рассчитанный на такой наплыв клиентов, постоянно занят, вешалка при входе вот-вот обрушится под тяжестью курток и пальто. Собственно, сама рюмочная — это одно из помещений склада, о котором теперь напоминает только крытая галерея, когда-то служившая погрузочно-разгрузочной рампой, и надпись, гордо сообщающая, что с такого-то по такой-то год здесь было испечено столько-то миллионов тонн хлеба. Галерея примыкает к прямоугольному зданию экс-склада с трех сторон не совсем правильной буквой «П», пройдя по которой можно попасть в несколько магазинов одежды, рыбный ресторан, кондитерскую и бар, судя по меню, состоящий с рюмочной в гастрономическом сговоре. Будничным вечером только начинается, но все присутствующие в рюмочной понимают, что это конец.

Это последний день перед локдауном, объявленным в честь какого-то круглого числа заболевших и умерших от коронавируса, а значит, последний день работы рюмочной. Такое уже было и даже, возможно, не один раз за два (или три?) года пандемии, поэтому ясно, чего примерно следует ожидать в ближайшие несколько ноябрьских недель.

Что отечество в опасности и ему грозит страшная погибель, выяснилось как всегда внезапно после многократных заверений в том, что никакой опасности не существует. Никого, впрочем, такой резкий поворот событий не смутил, так как если какой иммунитет и успел выработаться за прошедшие годы, так это иммунитет к подобного рода заявлениям. Да и к опасности тоже — независимо от того, существует она или нет. Единственная мысль, возникшая у

всех после вальяжного выступления президента и последовавших вслед за ним вальяжных же, но по нисходящей (никто не может вести себя более вальяжно, чем президент) выступлений замов, мэров и главсанэпидемов, что часовая ковровая бомбардировка города была бы предпочтительней, чем многонедельное тоскливое ожидание очередной стабилизации, которая в очередной раз все равно не наступит.

Те, что поидейнее, думают больше не о том, чем и на какие шиши развлечь себя во дни скорби, а о будущем алкогольной инфраструктуры, едва выкарабкавшейся из пропасти, в которую ее спихнули во время последней операции по спасению Отечества. К чему может привести новая приостановка работы питейных заведений, можно только догадываться. Гнусное бытовое пьянство и потерявшие невинность детские площадки под окнами домов — цветочки по сравнению, скажем, со снижением обороноспособности страны, сбоями в функционировании важнейших систем жизнеобеспечения или правительственным кризисом. И хотя связь питейных заведений с такими тонкими материями, как обороноспособность или жизнеобеспечение, на первый взгляд и не очевидна, а возможно, даже не очевидна и на второй, и на третий взгляд, она становится вполне понятной после некоторого раздумья над стопкой клюквенной настойки или — еще лучше — над целым сетом настоек разного вида, которые сегодня подаются по бросовым ценам и с бесплатной закуской.

Смятение и растерянность царят по обе стороны барной стойки. Сидящие — пока еще сидящие — на высоких стульях посетители думают о том, как бы в ближайшие недели не растерять форму и не скатиться в банальный зож, тоже своего рода форму бытового пьянства, но гораздо более опасную, так как для нее не требуется никаких материальных затрат. Кто-то опасается, как бы соседи от безделья не затеяли ремонт, но еще не знает, что ремонт соседи давным-давно уже затеяли и он не замедлит обнаружить себя в первый же нерабочий день. Кто-то прикидывает, где можно по-быстрому разжиться ядом для отравления соседского же (но за другой от ремонта стеной) зоопарка или устройством, излучающим одновременно инфракрасные, ультрафиолетовые, а желательно для надежности и еще какие-нибудь волны, чтобы все негуманоидные формы жизни от страха и депрессии повесились на

своей садомазохистской упряжи. Немногих счастливиц беспокоит только то, что они не совсем хорошо помнят дорогу к деревенскому дому, в который вообще-то давным-давно уже нужно было съездить, но все как-то не получалось и не складывалось, а теперь вот получилось и склалось.

Бармен же, вспоминая о предыдущих локдаунах, думает исключительно о деньгах. Две-три следующие недели он проведет в своей съемной комнатке в одиночестве или даже, пожалуй, вынужден будет уехать к себе на малую родину, где-то далеко на юге. Очередное бесславное возвращение домой. Длинный вонючий поезд с почти столыпинскими вагонами, скрежещущий автобус, медленная электричка, поросшая деревянными скамьями. Ничего лучше он себе позволить не может. Он думает про это, смешивая два «Лонг-Айленда» для сидящей прямо напротив него парочки типичных офисных клерков, зашедших выпить после работы. Этих-то, почему-то уверен бармен, грядущие тяготы если и не обойдут совсем стороной, то затронут в самой минимальной степени. Пожалуй, теперь он тоже сменил бы свое ремесло на какое-нибудь более стабильное, хотя бы по видимости, занятие. Да и вообще, ввиду приближающегося конца света (пусть и ненастоящего, пусть только двух- или трехнедельного) бармен с экзистенциальной прямо-той готов признать все свое существование лишь чередой глупых сумасбродств, достойных разве что старшеклассницы на выпускном вечере, случайно оказавшейся в одной комнате с бутылкой шампанского. Стоило ли переезжать в столицу из своего не совсем уж захолустного -ска, забивать — бармен на мгновение перестает смешивать коктейли и пристально смотрит на руки, словно желая удостовериться в их существовании, — тело татуировками почти по самую шею, старательно отращивать бороду под еженедельным присмотром такого же явившегося из не совсем захолустного ниткуда барбершопера, следить, притаившись среди бочек пива, за скидками в располагающихся здесь же, на территории Хлебозавода, магазинах одежды, чтобы, выпрыгнув в нужный момент из своего укрытия, отхватить пиджак Masnada или пальто из Lolybo, а потом в один паршивый день услышать, что все пивняки закрываются и твои умения в ближайшие несколько недель, а то и месяцев никому не понадобятся. А возможно, учитывая скорости, с которыми мутирующая зараза разносит локдаун, не понадобятся

больше никогда. Так, наверно, был утрачен секрет дамасской стали, венецианского стекла, постройки пирамид, разведения огня из сухих веток. Так будет потерян рецепт «Лонг-Айленда» и искусство беспенного разлития пива по десяти бокалам в максимально сжатые сроки.

В ближайшие недели дети и учителя будут мучать друг друга уроками труда и физкультуры через зум. В соседней комнате, а то и просто в крохотной кухне, жарко натопленной газовыми конфорками, родители будут сотрясаться от воплей своих чад, мечтая об узаконивании детоубийств и параллельно пытаюсь выцарапать хоть какие-то деньги у агонизирующих работодателей. В новостях будут рассказывать о том, как находящимся в таком же положении семьям в какой-то другой стране выдали просто так по тысяче долларов и что это, конечно же, неправда, поэтому и у нас просто так раздавать деньги не будут. В метро и торговых центрах силы и престолы правопорядка будут штрафовать на последние деньги не заботящихся о своем здоровье безмасочных и бесперчаточных граждан, а другие безмасочные и бесперчаточные граждане будут безответственно и тоже на последние деньги жарить мясо в парках и пить пиво из одной бутылки на всех, заражая друг друга, а заодно белок, дятлов, воробьев и кусты с деревьями. Кого-то не выпустят в Пхукет, а кого-то не впустят из Патайи, но зато откроют прямой рейс на Занзибар во исполнение пророчеств Джона Браннера...

Но бармен, начинающий немного отпивать из стакана тайком приготовленного им для самого себя «Лонг-Айленда», старается больше не думать о грядущих переменах. На ближайшие несколько часов он супервостребованная персона. Народа становится все больше и больше. Безответственность и пренебрежение к собственному и чужому здоровью растет прямо пропорционально количеству выпитого алкоголя. Уже нельзя с уверенностью сказать, что рецептура коктейлей строго соблюдается. Некоторые ингредиенты закончились. Нет больше кампари и вермута. Бутылки бурбона и джина, месяцами пылившиеся на барной витрине, в одночасье пустеют. Но никто уже не замечает, что в «Негрони» плеснули водки, а в «Манхэттен» недолили ангостуры. Люди сметают все, будто в день завоза партии югославских туфель в советский обувной магазин. Несколько оставшихся свободных мест за стойкой можно выставить на аукцион за кругленькую сумму. Персонала не хвата-

ет. Пожалуй, в этот вечер любой, кто хоть как-то способен донести до клиента алкоголь, не расплескав больше половины стакана, мог бы неплохо подзаработать. Подзаработать — и уйти в небытие.

Общее возбуждение нарастает, когда за музыкальным пультом появляется никому в другое время не нужный диджей со своей скучной и никому не нужной музыкой. Но даже дурной псевдостросоциальный речитатив в манерном исполнении одинаковых, как пустые пивные кружки, рэп-дарований, не может испортить удовольствие от алкоголя. Для диджея, снимающего, как и бармен, комнату где-то в пригороде пригорода, это тоже последний вечер перед нырком в неизвестность. Его тоже ждет почти стольпинский вагон с деревянной скамьей и долгое путешествие на малую родину, но не на юг, а на север — к вечным зимним сумеркам и гиперборейскому сиянию. Или, в случае если он примет решение не покидать зачумленное предместье, — не совсем сытое одиночество в комнате с видом на кирпичную трубу завода по производству подмосковной хтони. Но сегодня боги алкоголя на стороне диджея. Именно благодаря алкоОлимпу, избравшему своим пристанищем эту ничем не примечательную рюмочную на Дмитровской, диджей обласкан пусть пьяным, но женским вниманием. Ведь обычно ему не достается ничего кроме снисходительного мужского похлопывания по плечу или такого же снисходительного подношения выпивки за счет заведения, так как даже в лучшие времена выпить за свой счет для диджея проблематично.

Забродившие и многократно продистиллированные соки экзотических и не очень растений делают то, чего, несмотря на все свои многомиллиардные бюджеты, не могут добиться без двух минут имперские средства массовой информации. В рюмочной на Дмитровской народ как никогда сплочен и един в своем желании продлить этот вечер до бесконечности. Но по мере того, как бармен все чаще сообщает, что та или иная позиция из меню закончилась, что опустел бочонок со светлым, что вышло все темное и что даже безалкогольного осталось на самом донышке, начинают преобладать предапокалиптические настроения. Одни, понуро склонив голову, прикидывают, на сколько еще глотков можно растянуть содержимое своего стакана, другие, наоборот, спешат допить порцию, чтобы успеть взять новую. Третьи, ввиду безрадостных перспектив, морально готовятся к употреблению коктейлей странного желтого

и кислотно-зеленого цвета, в которых оранжад и огуречный сок играют, должно быть, ту же роль, что и майонез в обреченных на провал блюдах. Всадник на бледном коне появляется, когда бармен снимает с витрины последнюю по всем признакам бутылку виски и начинает ее раскупоривать. В рюмочной наступает тишина, и по устремленным на бармена взглядам понятно, что от него ждут чуть ли не повторения чуда в Галилее. Но чуда не происходит. Не моргнув глазом, бармен разливает содержимое бутылки по бокалам близ сидящих счастливиц и спокойно продолжает заниматься барменскими делами, повергнув своим равнодушием всех остальных посетителей в пучину отчаяния.

Это была последняя бутылка виски. Последняя бутылка виски на земле.

Минута молчания длится неприлично долго. Никто не в силах заговорить. Все лица словно окаменели. Так не молчат даже о жертвах авиакатастроф и кораблекрушений. Так не скорбят по героям, павшим в кровопролитнейших войнах. Так не поминают безвременно ушедших. Такого горя просто не бывает.

Ситуацию прерывает шум неясного происхождения. Какое-то движение на периферии зрения, открытие и закрытие чего-то, что умеет открываться и закрываться, небольшой переполох, и вот из боковой маленькой дверки, из коморки, из чулана выносят картонную коробку, по готической надписи на которой все понимают, что бутылка виски на витрине вовсе не была последней. Что сдержанное поведение бармена — это либо признак бесчувственности, либо садизма, либо того и другого вместе.

Внезапное обнаружение целой коробки алкоголя возвращает посетителей рюмочной к жизни. Возобновляются оборванные на полуслове разговоры. Но сдержанные радостные восклицания, всеобщее воодушевление, сумбурные надежды на какое-то будущее — все это лишь эйфория наркомана, принявшего дозу, иллюзии, которые строит себе брошенный и давно забытый любовник, потому что на самом деле это конец.

Конец настойкам в рюмочной на Хлебозаводе.

Конец шотам на закрытой террасе во Флаконе.

Конец шашлыку в элитном азербайджанском шалмане на Чертановской.

Конец чебурекам в зюзинской рюмочной, конец паленому двенадцатилетнему «Макаллану» в непонятной дыре с неоновой вывеской на Тайнинской, конец нелепым свекольным и огуречным коктейлям в еврейском баре на Покровке, конец псевдоамериканскому притону на Никольской с живой музыкой, упивающейся вусмерть к десяти часам вечера, конец бельгийской (но на самом деле, конечно, азербайджанской) едальне в Беляево, где все бельгийские вафли по вкусу сильно напоминают южнобутовский шашлык, конец змеиной водке из северокорейского ресторана на Вавилова, только по скудоумию пижонов из Мишлена не получившего заслуженную звезду, конец трем грязным пабам, притаившимся в замызганной подворотне на Чистопрудном бульваре, после которых хочется сходить в душ и причаститься, конец пиву в вечнозеленой Вжиге-Гжиге, конец «Бульвардье» и «Негрони» в еврейском (но по-другому еврейском) баре на Пятницкой, конец наливайке на Лубянском проезде, впрочем, успевшей завершить свое брренное существование еще до наступления скорбных дней, конец «Олд фешену» в Горгоне, покинув которую однажды мы перешли через Никитский бульвар и попали в свеженький с иглолочки французский барик на трех квадратных метрах, где одетая в парижанку девушка предложила нам галльских коктейлей, конец ужасному подвалу в Расторгуево, в котором когда-то, верно, проходили массовые расстрелы и собрания партактива, конец щам и горилке в Хмельницком напротив Библиотеки, конец ликерам и вермутам в бомбоубежище на Солянке, конец мочеподобному пойлу в Причале, конец оленине и «Серому Гусю» в Гренландии, конец Марио с его так и не открывшимся Хабом, конец вечно пустому, утопающему в зеркалах, прекрасному Локо с одинокой девушкой, танцующей посреди безразмерного танцпола — мы были там всего один раз, но будем скучать, конец Орловскому Быку, дорогому, невкусному и медлительному, конец Пролеткульту на Большой Никитской, где все цены выше средних примерно на двадцать процентов — впрочем, заслуженно выше, конец Ливерпулю на Новом Арбате — огромному, бессмысленному, но кому-то нужному, конец Лузеру в Климентовском переулке — неизменной точке сбора и отправному пункту для всех наступательных операций, двойной конец молдавскому ресторану на Кузнецком Мосту (вы совсем рехнулись — мамалыга и долма не могут стоять таких

бешеных денег), конец Бутылке в Банковском переулке, где мы позорно не оставили чаевых Лене с пирсингом во все левое ухо и правое крыло носа — мы стыдимся и смиренно надеемся на то, что нам еще представится шанс загладить свою вину хотя бы в следующей жизни, конец пивоподателю Толе и водкораспределительнице Гуле из Песков — вы делали все неправильно, но душевно, конец Грумеру с самой длинной барной стойкой, которую я когда-либо видел в своей жизни, конец Розовой Пантере, в которой я никогда не был, но про которую мне прожужжали все уши — хотя вряд ли я когда-либо смогу позволить себе тамошние супы и пирожные, конец классово чуждому Апельсину, в пафосные витрины которого мы с завистью пялились по дороге к Скул пабу, одному из тех редких мест, где выпивка — это не всегда повод для платежа. Конец всем дорогим и дешевым, семейным и бессемейным, алкогольным и безалкогольным заведениям в этом и во всех остальных городах этой части суши, все еще самой большой и самой жестокой.

Конец. И молчание.

